

Улица. День.

Они бегут по улице: Воробьев отстаёт метров на десять. Он так и не понял, что произошло.

Выскочив из арки, Ладос чуть не сбивает с ног какого-то мужчину. Тот еле увертывается, но повергается на землю набежавшим следом Андреем. Ладос скрывается за углом.

Воробьев, извиняясь, помогает чертыхающемуся мужчине подняться с земли и бежит дальше. Свернув за угол, он видит небольшую толпу и Ладос, который стоит чуть в стороне, закрыв лицо руками. Воробьев подходит ближе и через головы людей видит лежащую на земле старушку.

Ладос продолжает стоять как вкопанный посреди улицы. Он мешал движению громко гудевших машин.

ВОДИТЕЛЬ. Эй, парень, ты что, оглох? Уйди с дороги.

«Скорая» касается бампером колен Ладос. Воробьев подходит к Ладосу и отводит его к тротуару. Поверх толпы они оба видят мужчину, склонившегося над телом старушки. Открыв рот, она пытается что-то сказать, но слова застревают у нее в горле. Вдруг взгляд мужчины касается стоящей неподалеку женщины, это та самая «дама», которая ссорилась на балконе с покойницей. Мужчина, рванувшись к ней, заносит руку для удара. И испуганная женщина в ужасе отшатывается, но в последний момент мужчина передумывает и не наносит удара. Брезгливо посмотрев на женщину, он отталкивает ее, как неодушевленный предмет.

Появляются носилки. Затем их несут назад, к машине «скорой помощи». Из-под белой простыни свисает безжизненная рука, с запястья соскальзывает медный браслет, какие носят гипертоники. Чья-то равнодушная нога пнула упавшую вещь, и та звенит на неровностях асфальта, исчезнув под каменным бордюром тротуара. Взгляд Ладоса проследил путь браслета, затем остановился на Андрее.

ЛАДО. Зачем ты дал мне этот бинокль?

Задав этот горестный вопрос, не имеющий ответа, Ладос подходит к камню, просовывает руку и извлекает никем не замеченный браслет. Сжав браслет в руке, Ладос поворачивается и идет домой. Воробьев догоняет его, и они молча идут рядом, не разбирая дороги. В каком-то проходном дворе Ладос тяжело опускается на заваленное дерево. Воробьев присаживается рядом. Первым, не сразу, заговаривает Андрей.

АНДРЕЙ. Расскажи мне, как умер твой отец. Если тебе не трудно.

ЛАДО. Утром встал. Побрился. Позавтракал. Сказал что-то Нане на ухо. Оба захохотали. Я потом все время забывал спросить, что он ей сказал. А когда вспомнил, то выяснилось, что Нана начисто забыла. Был такое. Как будто стерли из головы и все. Так вот, они похихотали, он нахлобучил свою любимую кепку, смеясь прокричал «скоро буди», хлопнул дверью и ушел. А вечером его принесли уже мертвого. Он прикуривал сигарету и упал.

Мимо них проезжает грузовик и останавливается в глубине двора. Два человека выносят из парадного огромную кастрюлю, какими пользуются в ресторанах, с трудом проносят ее через весь двор и водружают на кирпичи, которыми обложен костер.

Из грузовика выгружают сборные лавки и столы, складывая тут же штабелями. Кто-то натягивает веревки на огромной палатке, цепляя их за колья, вбитые в землю.

К дереву привязан бычок, пощипывающий травку. Ладос и Воробьев с интересом наблюдают за происходящим.

ЛАДО. Готовятся поминки. А может быть, свадьба.

Только он это произносит, как слышатся автомобильные гудки и почти сразу появляется вереница машин. Хлопают дверцы, и двор заполняет веселая толпа.

ЛАДО. Все-таки свадьба. Это курды.

Андрей кивает, мол, знаю; разглядывает веселых мужчин и женщин. Из толпы появляется сухопарый старик, не по возрасту прямой и легкой походкой направляется к группе стоящих неподалеку женщин в пестрых юбках. Старик на ходу перевязывает порезанную руку — белый платок мгновенно окрашивается в красный цвет. Но это его не очень беспокоит. Старик подходит к невесте, протягивает ей здоровую руку с оттопыренным мизинцем.

Невеста сцепляет свой мизинец с его пальцем, и так они замирают, но ненадолго.

Звучит музыка. Это даже не музыка, а бешеный ритм: зурна и доли, два восточных инструмента, оглашают все вокруг. Свадьба началась, передвигаясь в такт музыке, танцоры, сцепившись пальцами, пестрой рекой текут между машинами. Выйдя на свободное место, они начинают образовывать круг. Многослойные юбки курдских танцовщиц пестрят безумными красками, и круг, разомкнувшись, превращается в радугу, двигаясь то вправо, то влево.

Андрей оглядывается и замечает, что бычок уже не щиплет травку, а бездыханно лежит на земле.

Молодой парень поворачивается и идет прямо на них, неся в руках белый таз, наполненный кровью. Пройдя мимо, он подходит к столу, где сидит старая женщина и режет лук. Ставит таз на стол, отходит. Женщина встает, отряхивает руки, берет медную чашу и зачерпывает из таза кровь. Потом вытирает край чаши, чтоб не капало, и идет к танцующим. Старуха отдает чашу мужчине, который начал танец, и возвращается на место. Мужчина с чашей ведет танцующих так, что дуга смыкается и превращается в круг, а в круге оказывается он вместе с женихом и невестой. Музыканты играют громче — танцоры движутся быстрее, пытаются заглянуть в круг.

Старик проговаривает что-то на непонятном языке и передает чашу жениху. Молодой человек пригубливает кровь и возвращает сосуд обратно. Настает черед невесты. Старик вновь говорит какие-то слова и отдает чашу девушке. Она принимает чашу неуверенной рукой, смотрит и отворачивается. С трудом еще раз взглядывает на чашу и пытается вернуть ее старику. Но тот прячет руки за спину.

Невеста страдальчески косится на жениха, ища поддержки. Но тот поводит головой, слегка улыбаясь. Девушка смотрит на кровь в чаше, не в силах поднести ее к губам. Тогда молодой человек берет одной рукой ее за затылок, а другой подносит ее руки вместе с чашей к губам. Делает это нежно, но настойчиво. Девушка последний раз окажывает легкое сопротивление, и чаша касается ее губ.

Восторженный возглас проносится по двору. Старик забирает чашу и выходит из круга. Пройдя мимо Ладоса и его гостя, скользнув по ним взглядом, старик видит в подворотне молодого человека, который наблюдает не то за свадьбой, не то за Ладосом и Андреем.

Ладос и Воробьев стоят у развалин дома; Андрей оглядывается.

АНДРЕЙ. По-моему, это было здесь...

Он проходит мимо обгоревших остатков стен. Дальше дом более разрушен: мезиво

кирпичной пыли и домашней утвари. Андрей осторожно ступает по битому стеклу. За полуразрушенной стеной замечает девочку лет 7-8. Она сосредоточенно разгребает мусор, не обращая внимания на мужчин.

Ладос подходит к девочке.

ЛАДО. Что ты ищешь в этих развалинах?

ДЕВОЧКА (взглянув на него внимательно). Маму.

От такого ответа Ладос вздрагивает. Он не знает, что сказать. Подходит Андрей.

АНДРЕЙ. Что случилось?

ЛАДО. Я спросил, что она ищет, а она говорит — маму.

АНДРЕЙ. Как маму?

Андрей уставился на девочку, которая продолжает разгребать мусор. Делает она это не спеша, обстоятельно.

И Ладос, и Андрей до крайности взволнованы. Андрей обращается к девочке.

АНДРЕЙ. Почему тебя отпустили одну? С кем ты живешь? Давно ли потеряла маму.

От волнения не замечает, что забросал девочку вопросами, не получая ответа. Андрей замолкает, взволнованно заходя враз-вперед рядом с девочкой, которая внимательно смотрит на него. Ладос стоит, не проронив ни слова. Вдруг оба слышат женский голос.

ЖЕНЩИНА. Нато! Нато!

Обернувшись, они замечают женщину, которая стоит по другую сторону развалин на улице. Девочка оживает.

ДЕВОЧКА. Вот моя мама.

Она направляется к женщине, но на ходу оглядывается и, улыбаясь, подмигивает ослепевшим мужчинам, которые смотрят вслед маленькой шутнице. Первым приходит в себя Ладос, тронув Андрея за плечо, говорит.

ЛАДО. Не удивляйтесь, Андрей Александрович, этот город сильно изменился. Пойдем отсюда.

АНДРЕЙ. У меня такое чувство, будто я видел ее недавно.

Они вышли из развалин и побрели по улице. Молодой человек из подворотни осторожно следовал за ними.

Духан.

Через несколько минут они сидят в небольшом подвальчике: не считая духанчика и одного посетителя, который сидит к ним спиной, за несколькими столами никого нет. Ладос подходит к хозяину и здоровается за руку.

ЛАДО. Вот, Гоги. Гостя к тебе привел. Он из Парижа приехал. Говорит, что двадцать с лишним лет тому назад кутил вместе с моим отцом.

ПОСЕТИТЕЛЬ. Нашел куда гостей водить!

Ладос оборачивается к единственному посетителю, потягивающему вино.

ПОСЕТИТЕЛЬ (кивнув на духанчика). Ты чего с ним здороваться? Он аферист и засранец. У него в меню написано: порция сыра — двести грамм. А тут и ста грамм не будет. Вот посмотри. С ним только дураки здороваются.

Гоги смеется.

ГОГИ. Дядя Миша, не надоело тебе меня ругать? Каждый день одно и то же.

Ладос подходит к столу, садится рядом с ворчуним, протянув ему руку. Тот не сразу пожимает ее, с недовольным видом. Ладос поворачивается к Воробьеву.

ЛАДО. Андрей Александрович, знакомьтесь. Это дядя Миша — известный на весь город ворчун. Говорят, что был таким же ворчуним и двадцать лет назад, и сорок. Но

я этого не помню.

ДЯДЯ МИША (под нос). Сопляк. (Обращаясь к Андрею.) Присаживайтесь. Хотя один человек, с которым можно вспомнить что-нибудь стоящее. Вы из Парижа?

Андрей кивает, доставая из сумки шведскую водку «Абсолют». Ворчун внимательно изучает бутылку.

ДЯДЯ МИША. Это что?

АНДРЕЙ. Водка. Шведская.

ДЯДЯ МИША (разводя руками). Он из Парижа приехал в Тбилиси, чтобы шведской водки выпить? Ну и дела! (К Гоге.) Накрывай, чего стоишь, как истукан!

Все засмеялись, так как пока разбирались с водкой, Гоги почти закончил накрывать на стол и теперь откупоривал бутылки.

Прошло часа два: на столе пустые бутылки, пепельница с окурками, тарелки с остатками еды. Пир в разгаре. Миша продолжает ворчать. Остальные смеются.

В окне полуподвала мелькают ноги прохожих и колеса проезжающих автомобилей.

Отворяется дверь, и появляется парочка; молодой человек с девушкой, переступив порог, останавливаются, оглядывая помещение. Смеющийся Гоги оборачивается, машет им рукой, крикнув.

ГОГИ. Закрыто!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Почему?

Он напускает на себя грозный вид, переводит взгляд на спутницу. Гоги удивленно смотрит на любопытного посетителя, объясняя.

ГОГИ. Света нет.

Молодой человек смотрит на горящие плафоны на стенах, затем на Гоги, а девушка тянет его за рукав, что-то шепнув на ухо, и они выходят. Ладос что-то увидел в окне, встает из-за стола, подходит к окну, барабанит по стеклу пальцами, машет кому-то рукой и возвращается на свое место.

ДЯДЯ МИША (оборачиваясь к Андрею).

Я недавно видел одного иностранца. Ну, выпили, туда-сюда, побеседовали. Он мне и говорит, что читал в каком-то иностранном журнале интервью с одним русским генералом. Так вот, этот самый генерал в этом журнале, оказывается, сказал: «У того, кто не тоскует о потерянной стране, — нет сердца, а тот, кто пытается ее восстановить, — лишен разума». Молодец генерал. Я его очень зауважал. Правда, фамилию не запомнил.

Гоги засмеялся, на что дядя Миша сразу же огрызается.

ДЯДЯ МИША. Чего зубоскалешься? Да. Я тоскую и не скрываю, что тоскую.

ГОГИ. А может, и о восстановлении мечтаешь? Дядя Миша машет рукой, поворачивается к Андрею.

ДЯДЯ МИША. Аллаверды к тебе.

Андрей слегка растерялся, но ремку поднимает, смотрит на Ладоса. Тот хихикает. В это время скрипит входная дверь. Все оглядываются. Ладос идет навстречу вошедшему, на плече у которого висит шарманка.

ЛАДО. Проходи, проходи, дядя Отар. Присоединяйся к нашей компании. (Подводит его к столу.) А компания у нас странная. Еврей, который любит фильмы о Сталине и тоскует об СССР, но ты его знаешь. А это диссидент, которого 25 лет тому назад выслали из этого СССР за то, что он хотел его разрушить. Ему пить аллаверды. Садись, послушаем.

Андрей смотрит то на шарманщика, то на дядю Мишу; вдруг какое-то странное восклицание вырывается у него и он встает.

АНДРЕЙ. Я вспомнил! Вспомнил! Тебя вспомнил! (Обращаясь к дяде Мише.) Ты был здесь в тот день. Мы вместе кутили и ты пел песню. Я точно не помню, но там были слова про урода, который ради любимой стал красавцем.

Все зашумели наперебой, вспоминая слова этой песни.

ДЯДЯ МИША (ворча). Он вспомнил! Чего тут вспоминать, когда я последние 40 лет каждый день здесь бываю. Это единственное место, которое осталось в этом городе, как было. Остальное все испоганили. Давай выпьем!

АНДРЕЙ. Конечно, я тоже тоскую. По той жизни, которую не вернуть, по тем людям, с которыми я прожил в этой стране, по сумасшедшим встречам. И хотя он издевается над нами... (Показывает на Ладоса.) Он молодой, ему не понять нашей с тобой тоски. Я прошу тебя, спой ту песню. Тосковать, так до конца.

Все стали упрашивать дядю Мишу спеть. Ладос кивнул шарманщику. Тот передернул рычаг и завертел ручку. Грустная музыка полилась из деревянного ящика, и Миша запел. Запел про урода, который ради любимой превратился в красавца.